

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.11>

UDC 316.4.06
LBC 60.52

THE PHENOMENON OF ENVIRONMENTAL ACTIVISM IN THE PERSPECTIVE OF SOCIOLOGICAL DISCOURSE¹

Larisa V. Loginova

Saratov State Legal Academy, Saratov, Russian Federation

Veronika V. Scheblanova

Saratov State Legal Academy, Saratov, Russian Federation

Abstract. The article presents an analysis of environmental activism through the prism of significant sociological concepts. In the logic of social action theories, environmental activism is understood as proactive, goal-oriented social actions and interactions of citizens and organizations carried out in the interests of solving environmental problems. The emphasis is on self-organization, mobilization and coordination of joint actions of communities carried out to achieve relevant environmental goals. The concept of social justice reveals the connection of environmental activism with the fight against environmental discrimination in society for the expansion of rights to a favorable environment; considers it as a “public environmental resistance” to actions / inactions of government and/or business that lead to environmental degradation, the movement for environmental justice. From the standpoint of the theory of social conflict eco-activism is considered a product of the socio-ecological split in a society based on inequality, a manifestation of the negative effects of the environmental crisis on civic activity, a consequence of high conflict tension due to deep contradictions between the ecological ideal and reality. Within the framework of risk sociology eco-activism is justified by the society’s desire to minimize social risks and destructions determined by environmental factors. The analysis of eco-activism through the prism of sociological concepts creates a general idea of the diversity of scientific approaches to the consideration of rapidly changing forms of public participation in the protection of the ecosystem under the influence of the coming digital age. The conclusion is made about the need for an integrative understanding and the study of social eco-activism as proactive goal-oriented collective actions of pro-environmentally minded agents undertaken in order to optimize the relationship between society and nature through positive and destructive social practices of eco-protective participation in the real environment and the Internet space.

Key words: environmental activism, social activism, pro-environmental civic participation, environmental discrimination, radical eco-activism, online eco-activism.

Citation. Loginova L.V., Scheblanova V.V. The Phenomenon of Environmental Activism in the Perspective of Sociological Discourse. *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 112-122. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.11>

УДК 316.4.06
ББК 60.52

ФЕНОМЕН ЭКОЛОГИЧЕСКОГО АКТИВИЗМА В ПЕРСПЕКТИВЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА¹

Лариса Викторовна Логинова

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация

Вероника Вячеславовна Щепланова

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлен анализ экологического активизма через призму значимых социологических концепций. В логике теории социального действия под экологическим активизмом понимаются ини-

циативные целеориентированные социальные действия и взаимодействия граждан, организаций, осуществляемые в интересах решения экологических проблем. Акцент делается на самоорганизации, мобилизации и координации совместных действий общностей, направленных на достижение актуальных экологических целей. Концепция социальной справедливости раскрывает связь экологического активизма с борьбой против экологической дискриминации в обществе, за расширение прав на благоприятную окружающую среду; рассматривает его как «общественное экологическое сопротивление» действиям / бездействиям власти и/или бизнеса, приводящим к ухудшению экологической обстановки, движение за экологическую справедливость. С позиций теории социального конфликта эоактивизм – это продукт социально-экологического раскола в основанном на неравенстве обществе, проявление негативных эффектов воздействия экологического кризиса на гражданскую активность, следствие высокой конфликтной напряженности из-за глубоких противоречий между экологическим идеалом и действительностью. В рамках социологии риска эоактивизм обосновывается стремлением общества минимизировать детерминированные экологическими факторами общественные риски и деструкции. Анализ эоактивизма через призму социологических концепций создает общее представление о разнообразии научных подходов к рассмотрению стремительно меняющихся под влиянием наступающей цифровой эпохи форм общественного участия в защите экосистемы. Сделан вывод о необходимости интегративного понимания, изучения социального эоактивизма как инициативных, целеориентированных коллективных действий проэкологически настроенных агентов, предпринимаемых в целях оптимизации отношений между обществом и природой через позитивные и деструктивные социальные практики экозащитного участия в реальной среде и интернет-пространстве.

Ключевые слова: экологическая активность, социальная активность, проэкологическое гражданское участие, экологическая дискриминация, радикальный эоактивизм, онлайн-эоактивизм.

Цитирование. Логинова Л. В., Щебланова В. В. Феномен экологического активизма в перспективе социологического дискурса // *Logos et Praxis*. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 112–122. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.11>

Введение

Глобальные экологические проблемы лидируют в списке вызовов и угроз планетарного масштаба. С обострением экологических ситуаций, их эпидемиологического значения и осознанием социальной ценности природы динамично возрастает уровень экологической обеспокоенности общества, социальной эоактивности созидательной и деструктивной направленности. Экологический нигилизм российского общества под влиянием экологизации общественного сознания трансформируется в социальный эоактивизм, предъявляющий государству общественный заказ на благоприятную и безопасную среду обитания, экологически ориентированную политику развития регионов, минимизирующую экологические риски.

Связанные с экологической обстановкой накапливающиеся социальное напряжение и неудовлетворенность в российском обществе подтверждают и статистические данные российских исследовательских центров. Опрос ФОМ об отношении россиян к экологической ситуации в мире (октябрь 2019 г.; $N = 1500$) показал, что только 4 % опрошенных оценивают

как хорошую, тогда как 50 % – как плохую. Готовность выйти на митинги в защиту окружающей среды демонстрируют 34 % (40 % из них – в возрастной когорте 18–30 лет) опрошенных [Глобальные проблемы экологии... web]. По данным опроса «Левада-Центра» (февраль 2020 г.; $N = 1614$), экология и утилизация мусора (наряду с проблемами коррупции и недостаточным социальным обеспечением) оказались в числе самых острых общественных проблем, требующих большего освещения в СМИ, Интернете [Волков web].

Интервьюируемые студенты-активисты, в числе которых были волонтеры, члены экологических движений (июнь – июль 2019 г.; $N = 40$), демонстрируют готовность выступить в поддержку протестных акций с требованиями усиления мер по экологической защите населения. Согласно данным опроса экспертов (август – сентябрь 2019 г.; $N = 31$), в перспективе риск деструктивности в развитии гражданского активизма будет обусловлен усугублением проблем экологического характера [Логинова, Щебланова, Суркова 2019, 251–252].

Разочарованные реформистскими мерами, радикальные экологические группы (по-

литические экологи) все чаще используют тактику прямого действия (сидячие забастовки «деревьев», дорожные блокады, таран судов и «экотаж») (или саботаж оборудования и имущества)). В результате этих действий экологически разрушительная деятельность становится экономически нежизнеспособной [Alberto 2020]. Сторонники эоактивизма инициируют не только в оффлайн-, но и в онлайн-пространстве социально-политические экособытия, дискурсы, действия, междисциплинарная оценка которых вызывает необходимость проведения социологических исследований [Ермолаева П., Ермолаева Ю., Башева 2020].

Целью данного исследования выступает социологическая концептуализация экологической активности населения на основе комплексного анализа теоретических подходов в объяснении развития эоактивизма как формы социальной активности. Достижение этой цели позволяет определить социальный механизм конструирования экологического активизма, основные элементы и ресурсы его сетевой инфраструктуры, причины и формы проявления, учитывающего формирование новых дискурсов экологической угрозы и признаков радикализации как в реальной, так и виртуальной среде.

Экологический активизм в логике теорий социального действия

В рамках концепции социального действия (М. Вебер, Ф. Знанецкий, Т. Парсонс, Ю. Хабермас, А. Шюц) в экосоциальных исследованиях экологический активизм рассматривается как экологически ориентированное социальное действие, предполагающее направленность (положительную, отрицательную) и опыт эоактивистской деятельности [Ефременко 2009; Шатилов 2019]. Конструирование экологического активизма происходит через осуществляемые субъектами экологического действия социально-экологические связи и взаимодействия со средами их обитания и друг с другом, различные формы солидарного общественного участия в решении экологических проблем. С учетом этих особенностей категорию «экологический активизм» правильнее обозначить как «социальный эоактивизм».

С учетом кризисных тенденций социально-экологической динамики и в условиях нарастания темпов техногенного и антропогенного воздействия на окружающую среду возникает социальный феномен, который можно назвать социально-экологической деструктуризацией, предполагающей проактивные действия по трансформации структуры социально-экологических отношений. Это может отражаться как в формировании новых проэкологических личных практик, так и в формах проявления радикального эоактивизма.

В соответствии с деятельностным подходом социальная эоактивность анализируется в контексте экологических установок, ценностей и интересов, обуславливающих различные модели экологического участия субъектов: от традиционной экологической активности общественности (эосоциальный активизм) до индивидуального (частного) инвайронментализма, продвигающего практики раздельного сбора бытовых отходов, установки «умных» счетчиков, приобретения энергосберегающей техники, «органических» продуктов, и проэкологического поведения организаций, предприятий, нацеленного на снижение вреда от хозяйственной деятельности, антропогенного воздействия и на восстановление природы. Необходимо принимать во внимание и антиэкологическое поведение в виде социальных практик и действий, связанных с нерациональным природопользованием, потребительским отношением к природе, хищническим использованием ресурсов, приводящим к их истощению и накоплению большого количества отходов [Ермолаева П., Ермолаева Ю. 2019, 326].

Особенности практик социально-экологических взаимодействий обусловлены спецификой условий их формирования. Социальный эоактивизм развивается на территории конкретного местного сообщества – своеобразного экопространства интересов совместного проживания, обуславливающих установление социального порядка использования ресурсов в хозяйственной деятельности и выступающих объединяющей силой образования регионального сообщества, интегрального мезосубъекта национальной общественной системы [Логина 2012, 102]. В этой связи социальный эоактивизм представляется закономерным

результатом развития местного сообщества, осознания им экологических угроз, роста беспокойности из-за деградации экологической обстановки, порождаемой бездействием властей, несоординированной экологической политикой на федеральном и региональных уровнях, а также на уровне хозяйствующих субъектов. На волне роста интереса общественности к природоохранной проблеме рождаются новые партии и общественные движения, целенаправленно обостряющие экологические вопросы, способствующие радикализации общественных настроений.

Радикальный экологический активизм предполагает социальные действия против антиэкологического поведения. Существует деление экоактивистов на «светло-зеленых», или «реалистичных защитников окружающей среды» (Всемирный фонд дикой природы), и «темно-зеленых», или «фундаменталистов – защитников окружающей среды», менее склонных вести переговоры с государством, стремящихся противостоять правительствам, корпоративным силам и разрушать их. Эти активисты используют наиболее провокационные методы демонстрации протеста, их методы инакомыслия менее предсказуемы, часто незаконны (с точки зрения государства) [Hasler, White, Walters 2019].

Таким образом, как и любая форма социальной активности, экоактивизм складывается из человеческих взаимодействий и отношений, которые проявляются в экоориентированном образе жизни и проэкологическом общественном участии, вплоть до эко-радикализма.

Экологический активизм за восстановление экологической справедливости

В зарубежной экосоциологии широкое распространение получила парадигма социально-экологической справедливости как проявления более общей универсалии – «социальной справедливости». Экоактивизм рассматривается как деятельность против экологической дискриминации в обществе, за защиту права на благоприятную окружающую среду всех членов общества, восстановление экологической справедливости. Социально-экологи-

ческая дискриминация проявляется в меньших шансах реализовать права на благоприятную окружающую среду для малообеспеченных социальных групп. Депрессивные территории не привлекательны для инвестиционных вложений в улучшение жизненной среды, а их жители оказываются «привязанными» к неблагоприятной рискованной зоне, так как не могут сменить место жительства из-за отсутствия для этого средств [Taylor 2000]. Так, малочисленные народы Севера, несмотря на обилие защищающих их интересы нормативных актов, на практике в противостоянии с газодобывающими компаниями оказываются бессильными [Магомедов, Токунага 2020, 76].

Используя грязные технологии бизнес целенаправленно размещает производство на «слабых» территориях, где местные сообщества недостаточно активны, не имеют ресурсов сопротивления. Пользуясь этой «слабостью», не проявляя заботу об экологическом будущем, продолжая загрязнять природу, бизнес избегает уголовного преследования, ограничиваясь небольшими штрафами. Реализация экологической политики, по сути, носит локальный характер, а ее качество зависит от препятствий на уровне конкретных местных сообществ, их социальной экоактивности [Rootes 2007]. В противостоянии местных сообществ и крупного бизнеса государство часто принимает сторону бизнеса, руководствуясь интересами обеспечения условий для экономического роста в ущерб природной среде. На волне этого противоборства и формируется социальный экоактивизм. Разрушение природной среды, как правило, происходит на территориях, не обладающих активами для консолидации местного сообщества на противостояние «хищническому» бизнесу [Saitta 2012]. Некоторые авторы предлагают условия, в которых компромисс может сыграть позитивную роль в продвижении проэкологической повестки дня вперед в духе социальной экосправедливости [Dereniowska, Matzke 2017].

В русле парадигмы экологической справедливости радикальный экологический активизм – это своеобразное «народное экологическое сопротивление» действиям / бездействию власти и/или бизнеса, приводящим к экологической дискриминации в обществе,

каким стали, например, такие движения, как «Экологическая справедливость», «Движение за экологическую справедливость», «Назад к Земле» [Taylor 1995].

Считается, что более эффективным способом решения экологической проблемы может стать расширение экологических прав для местных сообществ с высокими экологическими рисками и угрозами. В этом случае достижение экологической справедливости возможно при соблюдении следующих условий: 1) общественное распределение экологических рисков; 2) учет экоразнообразия местных сообществ и их опыта социальной экоактивности; 3) политизация экологических рисков территорий за счет участия местных сообществ в формировании и проведении экологической политики [Schlosberg 2004]. При отсутствии возможности для общественности выразить недовольство экологической ситуацией демократическими способами, перспектив решения накапливающихся экологических проблем происходит радикализация социального экоактивизма.

Радикальный экологический активизм как результат социально-экологического раскола

Основываясь на теории социального конфликта (Г. Зиммель, Р. Дарендорф, Л. Козер, К. Боулдинг, М. Крозье, А. Турэн), экоактивизм рассматривается как проявление социально-экологического конфликта, означающего противостояние несовместимых интересов социальных общностей, групп, выражающееся в борьбе за контроль природных ресурсов, за благоприятные условия окружающей среды. В исследованиях О.Н. Яницкого дается прогноз, что на Земле уже в обозримом будущем произойдет значительное сужение пригодных для жизни пространств на фоне роста территорий, занятых промышленными и бытовыми отходами, добычей природных ископаемых, военными конфликтами [Яницкий 2014]. Ресурсная конкуренция ведет к экологической деградации, увеличению числа новых экополитических конфликтов, о чем свидетельствуют «ресурсные войны» первых двух десятилетий XXI в. на Ближнем Востоке; появление «экофашистских» группировок, выступающих

под лозунгами защиты природы за установление экологической диктатуры, нередко прибегающих к силовым методам [Вититнев, Козьякова 2018, 273–274].

Деструктивные и экстремистские аспекты идеологии экологизма, функционирования экологических организаций в России и за рубежом раскрываются многими авторами в контексте «зеленой» темы. А.Б. Шатилов выделяет следующие формы политической и квазиполитической активности современных «зеленых» с деструктивной направленностью (радикальных экоактивистов): 1) экополитические и экоидеологические манипуляции; 2) поддержание нездорового «экологического алармизма» в целях дезориентации общества; 3) прямые акции в отношении крупных, стратегически важных бизнес-игроков; 4) участие в свержении неугодных их спонсорам политических режимов (в «цветных революциях»); 5) экотерроризм; 6) прикрытие для разведывательной деятельности государств на иностранной территории, промышленный и экологический шпионаж под видом международного научного сотрудничества [Шатилов 2019, 71].

Критерием, градусом радикализации экоактивизма является уровень социальной эконапряженности общества, характеризующий обусловленное экологической ситуацией психологическое состояние людей, степень удовлетворенности социума состоянием дел или ходом развития событий в экологической сфере, осознания конкретной общностью экологических угроз [Сосунова 2005, 98]. Ущемление социально-экологических интересов мобилизует к протестным действиям, приводит к групповой консолидации и оказанию сопротивления.

В конфликтологической теории причин радикального социального экоактивизма ключевой категорией выступает социальное неравенство. Экологический раскол рассматривается как продукт социального раскола. Механизмы и формы формирования экоактивистских групп обусловлены неравномерным распределением между территориями экологических выгод и рисков. В силу этого одни поселения (территории экологических рисков) остаются депрессивными, другие (территории экологических выгод) процветают за счет активной эксплуатации природных ресурсов, или использования благоприятной экологической среды

как имиджевого ресурса, становясь центрами притяжения для новых жителей [Mih 2011].

В современных условиях роли эоактивистов изменяются. С одной стороны, их ресурсы и технологии используются государственными органами для содействия выявлению, мониторингу и судебному преследованию экологических преступлений. Социальный эоактивизм стал квазиинструментом государственной политики в предупреждении экологической преступности. С другой стороны, экологические активисты стали мишенью для правоохранительных органов как «экоотеррористы» и идеологические борцы, препятствующие экономическому процветанию частного предпринимательства. В этих случаях экологические активисты воспринимаются как угроза для стремящихся получить прибыль за счет эксплуатации природных ресурсов корпораций и государственных структур. Таким образом, отношения между теми, кто стремится защитить окружающую среду, и государством парадоксальны – предполагают сотрудничество и принуждение, динамизм и опасность [Hasler, White, Walters 2019]. Отмечается рост числа эоактивистов, которые были убиты, привлечены к уголовной ответственности, подвергнуты травле, судебному преследованию или иным формам запугивания за деятельность по защите окружающей среды и экологических прав человека. По данным правозащитной организации «Global Witness», наибольшее число убийств эоактивистов зафиксировано в 2019 г. (212 человек) [Defending Tomorrow... web].

В обществах с высоким уровнем коррупции закрепляется своеобразная культура безнаказанности в отношении лиц, убивающих защитников окружающей среды, отстаивающих интересы горнодобывающей промышленности, агробизнеса, мафии, занимающейся незаконными вырубками леса, строительством плотин. Следовательно, радикальный эоактивизм – это своеобразное соревнование в осмыслении природы и социальной конструкции активности, девиантности и вреда. Активистские экологические акции осуществляются в конкретных географических регионах, где «девиантное» и «преступное» являются «дрейфующими» понятиями; сами активисты живут в окружающей среде, ко-

торая порождает различные социальные объяснения тому, как они и общество в целом должны взаимодействовать с остальной природой [Cianchi 2016].

Экологические конфликты в силу своей двойственности, как все социальные конфликты, выполняют не только деструктивные функции (углубление враждебности в обществе, снижение эффективности деятельности предприятий), но и конструктивные, становясь источником социального сплочения вокруг экологического вопроса, привлечения внимания к экологическим проблемам и в последующем позитивного влияния на экологическую ситуацию.

Перспективы и аналитические возможности интегративной теории социального эоактивизма

Экологическая реальность XXI в. актуализирует вопрос о способности человечества снизить уровень рискогенности из-за экологических угроз, обостряющихся под влиянием глобализации, углубления неравенства, появления новых видов неравенства, новых страт – риск-производителей и риск-потребителей. Поиски ответа на этот вопрос привели к попыткам создания интегрированного подхода к изучению социоэкологических проблем, синтезирующего достижения социологии, биологии, экологии, экономики, географии. В этой связи следует отметить теорию О.Н. Яницкого, согласно которой общество представляет собой социобиотехническую систему (СБТ-систему), рискогенный характер которой обусловлен взаимодействием природного, технического и социального факторов с ведущей ролью человеческого фактора, отличающегося внутренней асимметрией. Социально-демографические, социально-экономические, социально-политические явления и процессы испытывают воздействие «полезности» / «неполезности» метаболических трансформаций, порождаемых иницируемыми человеком изменениями. Такие трансформации периодически сопровождаются критическими ситуациями, рисками глобального характера. Поэтому социологическая методология должна включать комплексный анализ локального и глобального с использова-

нием метода изучения случая (уровень локальных местных сообществ и их экоинтересов) в контексте общемировых тенденций глобального развития и межгосударственных противоречий [Яницкий 2016].

В фокусе интегративного подхода прослеживаются следующие стратегии развития социального экоактивизма: 1) социально-политическая экспансия – выход за пределы локального уровня, политизация местного экологического вопроса и его решение на уровне политики государства [Rootes 2013]; для привлечения внимания широкой общественности местные экоактивисты локальную экологическую угрозу включают в политическую повестку дня, характеризуя ее как всеобщую, универсальную [Johnson, Frickel 2011]; 2) расширение экоактивизма на низовом уровне за счет вовлечения широкой общественности – местные экоактивисты актуализируют экологические проблемы в контексте экологической несправедливости, неравенства, создают социальные группы для сбора ресурсов, обмена опытом [Schlosberg 1999]; налаживание тесных связей между экоактивистами, формирование структурной организации ограничиваются локальностью проблем и отсутствием ресурсов [Nicholls 2009].

В разнообразных социологических работах актуализировано изучение экологического дискурса в социальных сетях, представлены попытки квалифицировать дискурс, применяя методы наблюдения и сравнения. Выявлено, что тема экологии зачастую становится центральной в социально-политическом (чаще всего оппозиционном) российском дискурсе [Ефременко 2009; Щепланова, Логинова, Суркова 2020].

Политизированный социальный экоактивизм использует разные формы гражданского участия: создание онлайн-петиций, формирование экогрупп в социальных сетях [Гольбрайх 2016]; ведение экоблогов (Гринпис и WWF); вовлечение новой аудитории посредством сторителлингов (занимательные истории из реальной жизни), геймификации (викторины, тесты), эффектов перформанса и визуализации с ориентацией на массовость и зрелищность [Хакимова 2018; Сергеева 2019]; сетевые экопротесты («Голос тундры» в социальной сети «ВКонтакте») [Магомедов, То-

кунага 2020, 76]; климатические онлайн-протесты («digital strike» или «climate strike online», инициированные Гретой Тунберг в связи с пандемией); онлайн-митинги (размещение жителями Ростова-на-Дону комментариев на карте платформы «Яндекс.Навигатор», относящихся к зданию местной администрации, с распространением практики на другие регионы). Перечисленные механизмы могут использоваться властью с целью сублимации экопротестных настроений.

Социальный экоактивизм как механизм реагирования общества на социально значимые проблемы развивается и в форме событийного экологизма. В этом случае экологические организации образуют сетевые экосообщества, инициирующие и формирующие оппозиционный дискурс, наполняя контент информацией об экологических происшествиях, сопровождающихся нанесением вреда, угрожающего жизни и здоровью людей; об инициируемых властными структурами управленческих решениях, противоречащих интересам большинства граждан. Как правило, событийный экологический дискурс наполнен различного рода информацией, обличающей власти в некомпетентности, коррупции [Каминская 2019].

Таким образом, потребность в интегративной социологической интерпретации социального экоактивизма исходит из необходимости и целесообразности понимания различных социальных контекстов и дискурсов, углубляющих представление о социальном механизме проэкологического поведения, формах проявления, факторах и рисках радикализации.

Заключение

Проведенный теоретический анализ позволяет отметить, что в русле социологических концепций социальный экоактивизм рассматривается прежде всего как порождение экологического кризиса в обществе, являющегося кризисом социальным по своим причинам и сущности. Социальный экоактивизм – это выражение коллективного недовольства, общественного несогласия с экологической ситуацией, действиями / бездействиями власти и бизнеса в этой сфере, оно порождает волны направленного на нейтрализацию экологических угроз социального экопротеста.

С ростом экологической напряженности в обществе экоактивность нередко перерастает в массовый социальный экопротест и экологический радикализм. Причиной, как правило, становится обострение противоречий интересов местных сообществ, властных структур и бизнеса в вопросах текущего состояния экологии и перспективах его улучшения; неспособность власти наладить конструктивный диалог с обществом при попытке урегулировать актуальные экологические проблемы города, района, исправить социально-экологическую несправедливость. Социальный экопротест приобретает массовый характер за счет мобилизации местных сообществ в поддержку экологических требований, выдвигаемых представителями власти или бизнесу. Возглавить социальные экопротесты могут как общественные группы, отстаивающие экологические интересы, так и политические партии, проэкологические организации. В условиях деиндустриализации страны экологические протесты, блокирующие инвестиционные проекты в депрессивных регионах и городах (в Саратовской области, Челябинской области, Асбесте Свердловской области, Кузбассе, Пскове), становятся существенными препятствиями для социально-экономического развития территорий.

Экологическая социальная активность может протекать как в реальной среде в форме различных способов демонстрации гражданского неповиновения, пикетов, протестных акций, так и в интернет-пространстве (цифровой экоактивизм в формах «кликтивизм», «ботивизм», «хактивизм», «цифровые петиции», сетевые протесты). При этом можно выделить форму позитивной социальной экоактивности, призванную координировать организацию гражданских инициатив для решения экологических проблем (по спасению о. Байкал, р. Волга), интернет-мобилизации в условиях природных катастроф (создание карт помощи пострадавшим от пожаров, наводнений). В условиях пандемии коронавирусной инфекции наблюдается смещение социальной активности в интернет-пространство. Все это расширяет мониторинговое поле социально-экологических проблем, противоречий, конфликтов через включение в исследовательскую повестку проэкологического онлайн-активизма, экологических дискурсов, присутствующих в

старых и новых медиа, на интернет-порталах, форумах сетевых сообществ.

Развитие методологии социологических исследований социального экоактивизма видится в применении гибридных исследовательских стратегий, предусматривающих междисциплинарность, триангулятивность, взаимосвязанность анализа социального экоактивизма в реальной и цифровой среде. Такая комплексная методология позволяет дать объективную оценку социальной эконпряженности в обществе, степени остроты экологических проблем, обуславливающих уровень экоактивизма, его позитивную или деструктивную направленность; обеспечить поиск наиболее эффективных путей устранения экологической дискриминации в обществе, сохранения социального экоравновесия, согласования противоречивых социально-экологических интересов различных социальных групп и общностей.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31219 «Деструктивная гражданская активность студенческой молодежи в регионе: диагностика и модель».

The research was carried out with the financial support of the RFBR and the ANO EISS in the framework of the scientific project No. 19-011-31219 «Destructive civic activity of students in the region: diagnosis and model».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вититнев, Козьякова 2018 – *Вититнев С.Ф., Козьякова Н.С.* Экоциальные риски и деструкции современности в осмыслении перспектив гармонизации отношений человека и природы в идеологии «зеленого» движения в ФРГ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. №4. С. 272–284. DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-272-284.
- Волков web – *Волков Д.* Гражданская активность и общественные проблемы [Пресс-выпуск «Левада-Центр». 27.04.2020] // <https://www.levada.ru/2020/04/27/grazhdanskaya-aktivnosti-obshhestvennye-problemy/>.
- Глобальные проблемы экологии... web – Глобальные проблемы экологии. Мнения россиян об

- изменении климата и других мировых экологических проблемах [«ФОМнибус». 31.10.2019] // <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14281>.
- Гольбрайх 2016 – *Гольбрайх В.Б.* Экологический активизм: новые формы политического участия // *Власть и элиты*. 2016. Т. 3. С. 98–120.
- Ермолаева П., Ермолаева Ю., Башева 2020 – *Ермолаева П., Ермолаева Ю., Башева О.* Цифровой экологический активизм как новая форма экологического участия населения // *Социологическое обозрение*. 2020. Т. 19, № 3. С. 376–408. DOI: 10.17323/1728-192x-2020-3-376-408.
- Ермолаева П., Ермолаева Ю. 2019 – *Ермолаева П.О., Ермолаева Ю.В.* Критический анализ зарубежных теорий экологического поведения // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2019. № 4. С. 323–346. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.16>.
- Ефременко 2009 – *Ефременко Д.В.* Экоциальные исследования и анализ эколого-политических дискурсов // *Социологический ежегодник*. 2009. С. 357–375.
- Каминская 2019 – *Каминская Т.Л.* Коммуникативные тренды российского экологического PR // *Мир русского слова*. 2019. № 2. С. 32–36.
- Логинава 2012 – *Логинава Л.В.* Региональная политика как механизм реализации интересов регионального сообщества // *Правовая политика и правовая жизнь*. 2012. № 1. С. 102–106.
- Логинава, Щепланова, Суркова 2019 – *Логинава Л.В., Щепланова В.В., Суркова И.Ю.* Концептуальная модель деструктивной гражданской активности студентов (на материалах исследований в Саратовской области) // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2019. № 6 (131). С. 246–255.
- Магомедов, Токунага 2020 – *Магомедов А.К., Токунага М.* Истоки и предпосылки протеста коренных малочисленных народов Ямало-Ненецкого автономного округа // *Социологические исследования*. 2020. № 11. С. 76–83. DOI: 10.31857/S013216250012509-2.
- Сосунова 2005 – *Сосунова И.А.* Социально-экологическая напряженность: методология и методика оценок // *Социологические исследования*. 2005. № 7. С. 94–104.
- Сергеева 2019 – *Сергеева О.В.* Игровой сеттинг поля политики // *Культура и технологии*. 2019. Т. 4, вып. 3. С. 113–121.
- Хакимова 2018 – *Хакимова Е.М.* Об инструментах продвижения организации в интернете на примере НКО «Гринпис России» // *Гуманитарная парадигма*. 2018. № 4 (7). С. 33–37.
- Шатилов 2019 – *Шатилов А.Б.* Экология и политика: деструктивные аспекты идеологии экологизма и деятельности экологических организаций // *Гуманитарные науки. Вестник финансового университета*. 2019. № 4. С. 70–77.
- Щепланова, Логинава, Суркова 2020 – *Щепланова В.В., Логинава Л.В., Суркова И.Ю.* Дискурсы городского сообщества интернет-мемов: между конструктивной и деструктивной гражданской активностью молодежи // *РСБОЗМБ. Проблемы визуальной семиотики*. 2020. № 3. С. 136–155. DOI: 10.23951/2312-7899-2020-3-136-155.
- Яницкий 2014 – *Яницкий О.Н.* Современные войны: социально-экологическое измерение // *Вестник института социологии РАН*. 2014. № 4 (11). С. 115–116.
- Яницкий 2016 – *Яницкий О.Н.* Социобиотехнические системы: новый взгляд на взаимодействие человека и природы // *Социологическая наука и социальная практика*. 2016. № 3 (15). С. 13–14. DOI: 10.19181/snsp.2016.4.3.4574.
- Alberro 2020 – *Alberro H.* “Valuing Life Itself”: On Radical Environmental Activists’ Post-Anthropocentric Worldviews // *Environmental Values*. 2020. № 29 (6). P. 669–689. DOI: 10.3197/096327120X15752810324093.
- Cianchi 2016 – *Cianchi J.* Radical Environmentalism and the Role of Nature // *The Geography of Environmental Crime*. 2016. № 11. P. 33–57. DOI: 10.1057/978-1-137-53843-7_3.
- Defending Tomorrow... web – *Defending Tomorrow. Land and Environmental Defenders. L., 2020* // <https://www.globalwitness.org/en/campaigns/environmental-activists/defending-tomorrow/>.
- Dereniowska, Matzke 2017 – *Dereniowska M., Matzke J.P.* On Compromise in Radical Environmental Activism // *Humanistyka i Przyrodoznawstwo*. 2017. № 24. P. 9–38. DOI: 10.31648/hip.2595.
- Hasler, White, Walters 2019 – *Hasler O., White R.D., Walters R.* In and Against the State: The Dynamics of Environmental Activism // *Critical Criminology*. 2019. № 53. DOI: 10.1007/s10612-019-09432-0.
- Johnson, Frickel 2011 – *Johnson E.W., Frickel S.* Ecological Threat and the Founding of U.S. National Environmental Movement Organizations, 1962–1998 // *Social Problems*, 2011. Vol. 58, № 3. P. 305–329.
- Mix 2011 – *Mix T.L.* Rally the People: Building Local-Environmental Justice Grassroots Coalitions and Enhancing Social Capital // *Sociological Inquiry*. 2011. Vol. 81, № 2. P. 174–194.
- Nicholls 2009 – *Nicholls W.* Place, Networks, Space: Theorizing the Geographies of Social Movements // *Transaction Institute British Geography*. 2009. Vol. 34, № 1. P. 78–93.
- Taylor 1995 – *Taylor B.* The Global Emergence of Popular Ecological Resistance, Ecological

- Resistance Movement. The Global Emergence of Radical and Popular Environmentalism. Albany: State University of N.Y. Press, 1995.
- Taylor D. 2000 – *Taylor D.E.* The Rise of the Environmental Justice Paradigm: Injustice Framing and the Social Construction of Environmental Discourses // *American Behavior Science*. 2000. Vol. 43, № 4. P. 508–580.
- Rootes 2007 – *Rootes C.* Acting Locally: The Character, Contexts and Significance of Local Environmental Mobilizations // *Environmental Politics*. 2007. Vol. 16, № 5. P. 722–741.
- Rootes 2013 – *Rootes C.* From Local Conflict to National Issue: When and How Environmental Campaigns Succeed in Transcending the Local // *Environmental Politics*. 2013. Vol. 22, № 1. P. 95–114.
- Saitta 2012 – *Saitta P.* History, Space, and Power: Theoretical and Methodological Problems in the Research on Areas at (Industrial) Risk // *Journal of Risk Research*. 2012. Vol. 15, № 1. P. 1299–1317.
- Schlosberg 2004 – *Schlosberg D.* Preconceiving Environmental Justice: Global Movements and Political Theories // *Environmental Politics*. 2004. Vol. 13, № 3. P. 517–540.
- Schlosberg 1999 – *Schlosberg D.* Networks and Mobile Arrangements: Organizational Innovation in the US Environmental Justice Movement // *Environmental Politics*. 1999. Vol. 8, № 1. P. 122–148.
- obozrenie, vol. 19, no. 3, pp. 376–408. DOI: 10.17323/1728-192x-2020-3-376-408.
- Ermolaeva P.O., Ermolaeva Y.V., 2019. Critical Analysis of Foreign Theories of Environmental Behavior. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny*, no. 4, pp. 323–346. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.16>.
- Efremenko D.V., 2009. Ecosocial Research and Analysis of Ecological and Political Discourses. *Sociologicheskij ezhegodnik*, pp. 357–375.
- Kaminskaya T.L., 2019. Communicative Trends in Russian Environmental PR. *Mir russkogo slova*, no. 2, pp. 32–36.
- Loginova L.V., 2012. Regional Policy As a Mechanism for Implementing the Interests of the Regional Community. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*, no. 1, pp. 102–106.
- Loginova L.V., Shcheblanova V.V., Surkova I. Yu., 2019. Conceptual Model of Students Destructive Civic Activity (Based on the Research Materials in the Saratov Region). *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii*, no. 6 (131), pp. 246–255.
- Magomedov A.K., Tokunaga M., 2020. Origins and Backgrounds of Indigenous Resistance in the Yamal-Nenets Autonomous District. *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 11, pp. 76–83. DOI: 10.31857/S013216250012509-2.
- Sosunova I.A., 2005. Socio-Ecological Tension: Methodology and Methodology of Assessments. *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 7, pp. 94–104.
- Sergeeva O.V., 2019. Game Setting of the Policy Field. *Kul'tura i tekhnologii*, vol. 4, iss. 3, pp. 113–121.
- Hakimova E.M., 2018. About the Tools for Promoting an Organization on the Internet on the Example of the NGO «Greenpeace of Russia». *Gumanitarnaya paradigma*, no. 4 (7), pp. 33–37.
- Shatilov A.B., 2019. Ecology and Politics: Destructive Aspects of the Ideology of Environmentalism and the Activities of Environmental Organizations. *Gumanitarnye nauki. Vestnik finansovogo universiteta*, no. 4, pp. 70–77.
- Shcheblanova V.V., Loginova L.V., Surkova I. Yu., 2020. Discourses of the Urban Community of Internet Memes: Between Constructive and Destructive Civic Activity of the Youth. *RSBOZMB. Problemy vizual'noj semiotiki*, no. 3, pp. 136–155. DOI: 10.23951/2312-7899-2020-3-136-155.
- Yanitsky O.N., 2014. Modern Wars: The Socio-ecological Dimension. *Vestnik instituta sotziologii*, no. 4 (11), pp. 115–116.
- Yanitsky O.N., 2016. Socialisticheskii System: A New Look at the Interaction Between Man and Nature. *Sociologicheskaya nauka i social'naya*

REFERENCES

Vititnev S., Kozyakova N., 2018. Eco-Social Risks and Destruction of Modernity and Comprehension of the Prospects of Human and Nature Relations Harmonization in the Ideology of the “Green” Movement in Germany. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*, no. 4, pp. 272–284. DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-272-284.

Volkov D. Civic Activism and Public Issues. *Press-vypusk «Levada-Centr»*, April 27, 2020. URL: <https://www.levada.ru/2020/04/27/grazhdanskaya-aktivnost-i-obshchestvennye-problemy/>.

Global Environmental Problems. Russian Views on Climate Change and Other Global Environmental Issues. “*FOMnibus*”, October 31, 2019. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14281>.

Golbraih V., 2016. Environmental Activism: New Forms of Political Participation. *Vlast' i elity*, vol. 3, pp. 98–120.

Ermolaeva P., Ermolaeva Yu., Basheva O., 2020. Digital Environmental Activism As the New Form of Environmental Participation. *Sotsiologicheskoe*

- praktika*, no. 3 (15), pp. 13-14. DOI: 10.19181/snsp.2016.4.3.4574.
- Alberro H., 2020. "Valuing Life Itself": On Radical Environmental Activists' Post-Anthropocentric Worldviews. *Environmental Values*, no. 29 (6). DOI: 10.3197/096327120X15752810324093.
- Cianchi J., 2016. Radical Environmentalism and the Role of Nature. *The Geography of Environmental Crime*, no. 11, pp. 33-57. DOI: 10.1057/978-1-137-53843-7_3.
- Defending Tomorrow. Land and Environmental Defenders*. London, 2020. URL: <https://www.globalwitness.org/en/campaigns/environmental-activists/defending-tomorrow/>.
- Dereniowska M., Matzke J.P., 2017. On Compromise in Radical Environmental Activism. *Humanistyka i Przyrodoznawstwo*, no. 24, pp. 9-38. DOI: 10.31648/hip.2595.
- Hasler O., White R.D., Walters R., 2019. In and Against the State: The Dynamics of Environmental Activism. *Critical Criminology*, no. 53. DOI: 10.1007/s10612-019-09432-0.
- Johnson E.W., Frickel S., 2011. Ecological Threat and the Founding of U.S. National Environmental Movement Organizations, 1962–1998. *Social Problems*, vol. 58, no. 3, pp. 305-329.
- Mix T.L., 2011. Rally the People: Building Local-Environmental Justice Grassroots Coalitions and Enhancing Social Capital. *Sociological Inquiry*, vol. 81, no. 2, pp. 174-194.
- Nicholls W., 2009. Place, Networks, Space: Theorizing the Geographies of Social Movements. *Transaction Institute British Geography*, vol. 34, no. 1, pp. 78-93.
- Taylor B., 1995. The Global Emergence of Popular Ecological Resistance, Ecological Resistance Movement. *The Global Emergence of Radical and Popular Environmentalism*. Albany, State University of N.Y. Press.
- Taylor D.E., 2000. The Rise of the Environmental Justice Paradigm: Injustice Framing and the Social Construction of Environmental Discourses. *American Behavior Science*, vol. 43, no. 4, pp. 508-580.
- Rootes C., 2007. Acting Locally: The Character, Contexts and Significance of Local Environmental Mobilizations. *Environmental Politics*, vol. 16, no. 5, pp. 722-741.
- Rootes C., 2013. From Local Conflict to National Issue: When and How Environmental Campaigns Succeed in Transcending the Local. *Environmental Politics*, vol. 22, no. 1, pp. 95-114.
- Saitta P., 2012. History, Space, and Power: Theoretical and Methodological Problems in the Research on Areas at (Industrial) Risk. *Journal of Risk Research*, vol. 15, no. 1, pp. 1299-1317.
- Schlosberg D., 2004. Preconceiving Environmental Justice: Global Movements and Political Theories. *Environmental Politics*, vol. 13, no. 3, pp. 517-540.
- Schlosberg D., 1999. Networks and Mobile Arrangements: Organizational Innovation in the US Environmental Justice Movement. *Environmental Politics*, vol. 8, no. 1, pp. 122-148.

Information About the Authors

Larisa V. Loginova, Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Department of History, Political Science and Sociology, Saratov State Legal Academy, Volskaya St, 1, 410056 Saratov, Russian Federation, lvloginova66@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2675-2801>

Veronika V. Scheblanova, Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Department of History, Political Science and Sociology, Saratov State Legal Academy, Volskaya St, 1, 410056 Saratov, Russian Federation, vsheblanova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5316-2431>

Информация об авторах

Лариса Викторовна Логинова, доктор социологических наук, профессор кафедры истории, политологии и социологии, Саратовская государственная юридическая академия, ул. Вольская, 1, 410056 г. Саратов, Российская Федерация, lvloginova66@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2675-2801>

Вероника Вячеславовна Щебланова, доктор социологических наук, профессор кафедры истории, политологии и социологии, Саратовская государственная юридическая академия, ул. Вольская, 1, 410056 г. Саратов, Российская Федерация, vsheblanova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5316-2431>